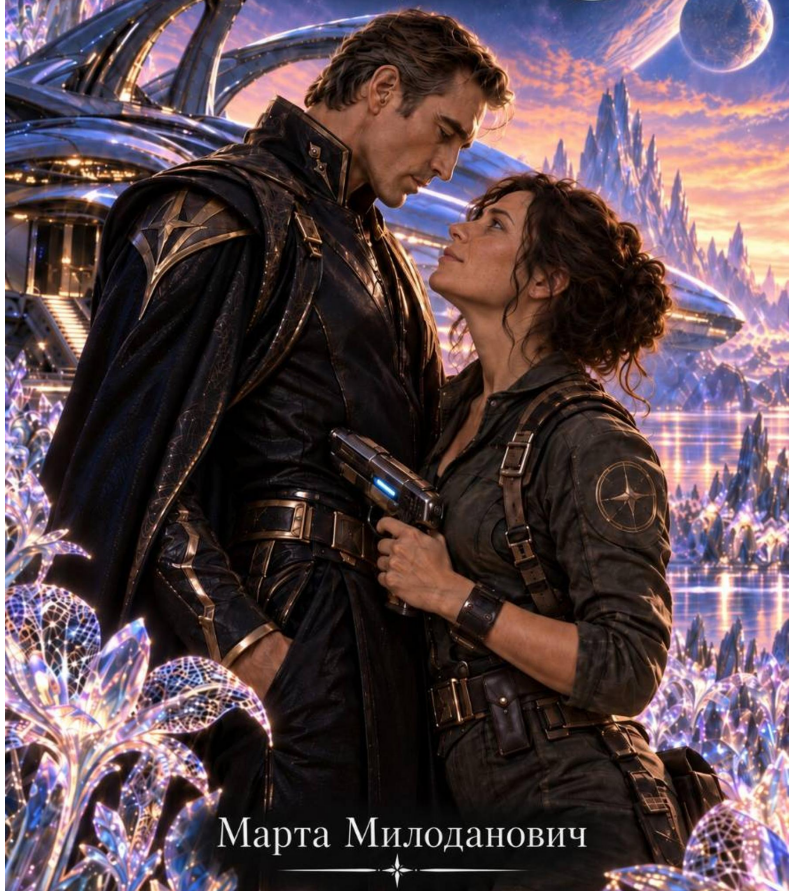

Хрустальные кружева

Марта Милоданович

Марта Милоданович

Хрустальные кружева

Серия «Ла Манга», книга 1

<https://litres.ru/74538187>

SelfPub; 2026

Аннотация

Капитан Арвойтус Гота умеет вытаскивать людей из разбитых кораблей. А вот разбираться с собственной жизнью у неё получается хуже: шесть лет она любит женатого мужчину с другой планеты и живёт от встречи до встречи.

Девяносто человек заперты в обломках станции "Кантип", и спасти их берётся "Стриж": старый спасательный корабль, купленный в долг, с экипажем из людей, вейров и сарнов, ставших друг другу семьёй. Может быть, не очень благополучной и точно не самой традиционной, но семьёй, под управлением Арви.

Работа привычная, но в этом рейсе всё не так. Приборы врут, а в углах рубки мелькают призраки, которых видит только Арви. И ещё Митр, новый спасатель, нанятый на один контракт. Надёжный, спокойный, слишком идеальный.

Арви предстоит узнать тайну расы, исчезнувшей сорок тысяч лет назад, и загадку собственного рождения. Но труднее всего будет ответить на вопрос, можно ли верить сердцу.

Первая книга космической саги "Ла Манга".

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	36
Глава 4	50
Глава 5	63
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Марта Милоданович

Хрустальные кружева

Глава 1

Хрусталь был холоднее, чем она ожидала. Сквозь тонкую ткань рубашки он прихватывал кожу на бёдрах и под лопатками, словно под ней лежал лёд, выточенный в форме стула. Спинка поднималась выше головы и расходилась гранёным веером, и когда Арви поворачивала шею, в гранях дробилось её лицо: десяток бледных ртов, десяток глаз, и все косили в сторону двери.

Запястья охватывали тонкие кружевные обвязки из стеклометалла, гораздо более прочные, чем казались на первый взгляд. Затянули это сложное шибари без злобы, аккуратно, и от этой аккуратности становилось хуже. Злость можно переждать, а здесь кто-то знал, сколько нужно затянуть, чтобы пальцы не немели и при этом не оставалось ни малейшего зазора. Она попробовала провернуть левую руку. Кружево скрипнуло, пряжка звякнула о хрусталь, и звук ушёл под высокий потолок, долго там перекатываясь.

Комната была круглой и пустой. Башня, судя по изгибу стен. В узком окне стояло тёмное небо без звёзд, и сквозняк от окна тянул по полу, забирался под босые ступни. Больше

ничего здесь не было: камень, стул, она на стуле. Её поставили в центр так, чтобы из двери была видна сразу вся, с ног до головы.

Внизу, далеко, ходили. Шаги слышались не отдельно, а глухой волной, будто по лестнице поднималась одна большая многоногая тварь. Арви считала витки. На седьмом звук пропал, и это было хуже, чем когда он приближался.

Холод шёл от окна, но тронул её сбоку, у правого плеча, и тронул иначе, как трогает сырость в погребе. Она повернула голову.

У стены, там, где минуту назад был голый камень, стояли фигуры. Три, потом четыре, потом она сбилась. Они были выше человека и светлее воздуха вокруг, вытянутые, как отражения в ложке, и сквозь них проступала кладка. Лиц у них не было, но было место, где лицо полагалось, и оттуда на неё смотрели. Одна фигура отделилась от стены и потянулась к ней, не шагая, просто становясь ближе, и воздух вокруг стула загустел.

— Кто вы? — спросила Арви. Голос вышел хриплым.

Ей ответили. Звук был похож на речь, если бы речь выдыхали, а не произносили: длинные шелестящие гласные, между ними сухие щелчки, будто кто-то пересыпал из ладони в ладонь мелкие камешки. Слова складывались и тут же разворачивались обратно, одно и то же, одно и то же. Фигура наклонилась к самому её уху, и Арви ощутила не дыхание, а его отсутствие, пустое место у щеки, куда уходило тепло.

Этого она не помнила. Мысль была странная, и она не успела понять, откуда взялась.

Вторая фигура держалась позади остальных и всё время поворачивалась к двери. У неё дрожали края, как дрожит пламя свечи, когда кто-то ходит по комнате. Она быстро повторяла короткую фразу из трёх щелчков и выдоха, повторяла снова и снова, и Арви по одной этой скороговорке поняла, что та боится, но не её, скорее чего-то за дверью или ещё дальше.

— Я не понимаю, — выражая лицом максимальное недоумение протянула Арви. — Я не понимаю вас. Говорите медленнее.

Ближняя фигура протянула к её запястью что-то вроде руки. Ремень под этим прикосновением остался таким же ту-

гим, но кожа на руке покрылась мурашками до самого локтя. Дверь открылась.

Солдат было шестеро — чёрные мундиры застёгнуты под горло, высокие сапоги натёрты до блеска, на поясах короткие клинки в ножнах. Лица у всех были одинаково правильные и одинаково неподвижные, взгляд, проваливающийся сквозь неё на спинку стула. Они вошли в ногу и остановились в ногу. Фигуры у стены никуда не делись, волновались в двух шагах от первого солдата, и тот их не заметил, даже не скосил взгляд.

Старший, с серебряным шнуром на плече, опустился на одно колено у стула и принялся расстёгивать пряжки жесткими и сухими пальцами. Он не торопился и ни разу не задел её кожу больше, чем было необходимо, и она всё равно сжалась, пока он возился с последним ремнём. Руки освободились, и она не сразу смогла их поднять: плечи затекли, в локтях закололо.

— Встань, — его голос прозвучал как выкрик ворона.

Она поднялась. Хрусталь отпустил её с неприятным влажным звуком, будто стул хотел удержать тепло ее тела. Двое взяли её под локти, твёрдо и ровно, как берёт человек, осознающий свою силу, и повели к двери.

Лестница закручивалась вниз узкой спиралью, ступени стёрлись посередине от тысяч ног, и босые ступни то и дело попадали в эти ямки, прохладные и гладкие. Факелы в железных кольцах горели без треска и без запаха. Арви заме-

тила это и тут же забыла, потому что фигуры шли за ними. Они текли по стене вниз, обгоняя солдат, отставая, снова обгоняя, и их шелест стал громче, настойчивее, будто они торопились сказать что-то, пока есть время.

Испуганная тень держалась ближе всех. Она скользила вровень с Арви по внутренней стороне спирали, и там, где у неё должна была быть рука, воздух касался рукава рубашки и тянул. Веса в этом не было никакого, но тянуло явственно, назад, вверх, прочь от того, куда её вели.

— Отстань, — прошептала Арви. — Я не могу. Ты же видишь.

Солдат справа чуть сильнее сжал ей локоть. Больше ничего.

Внизу лестница вывела в коридор с чёрным каменным полом, отполированным так, что в нём отражались факелы и шагающие сапоги. На стенах висели длинные полотнища, багровые, с одним и тем же знаком, вышитым золотом: круг, перечёркнутый вертикальной чертой. Знак повторялся через каждые десять шагов, и Арви начало казаться, что они идут на месте, а мимо просто проворачивают одно и то же полотнище.

Фигуры в коридоре стали тоньше. Они вытягивались под потолок и шелестели оттуда, и в их речи вдруг прорезалось что-то знакомое, какой-то повтор, ритм, будто одно слово было именем. Арви прислушалась, сбилась с шага, и её подхватили под локти и понесли почти на весу, так что пальцы

ног скользили по камню.

Двери в конце коридора были выше трёх человек. Их открыли без стука.

Зал оказался огромным и полутёмным. Свет падал сверху, из круглого проёма в куполе, одним столбом, и в этом столбе стоял трон, тёмный, из какого-то дерева, почти чёрного от времени. По краям зала, в темноте, угадывались колонны и неподвижные люди у колонн, стража или придворные. Никто не шевелился, никто не кашлял. Солдаты довели её до края светового круга, отпустили и отступили, и она осталась одна на полированном полу, в тонкой рубашке, со следами ремней на запястьях.

Он сидел на троне, откинувшись, положив руку на подлокотник, и смотрел на неё.

Она знала, что он будет смотреть именно так, будто знала заранее, и от этого знания внутри всё стянулось. Высокий, широкий в плечах, в чёрном без единого знака отличия, только на пальце тяжёлое кольцо. Волосы коротко острижены, на висках седина, и эта седина лежала в столбе света серебром. Лицо было красивым той красотой, от которой хочется отвести глаза и никак не выходит: резкие скулы, тяжёлый подбородок, рот, который привык отдавать приказы и знал, что их выполняют.

— Ты пыталась бежать, — сказал он.

Голос был низкий и тихий, но зал подхватил его и донёс до неё целиком, до последнего звука. Она не пыталась бежать.

Она не помнила, пыталась ли. Но под его взглядом это вдруг стало правдой, и она виновато опустила глаза, сама себя за это ненавидя.

— Подойди.

Она не двинулась. Он чуть приподнял бровь. Позади неё скрипнул сапог солдата, и она шагнула в свет.

Под лучом из купола было теплее. Тепло легло на плечи, на шею, на лицо, как ладонь. Она сделала ещё шаг и ещё и остановилась у нижней ступени трона. Он поднялся. Спустился к ней медленно, ступень за ступенью, и с каждой ступенью оказывался выше, заслонял свет, пока она не очутилась в его тени целиком.

От него пахло дымом и кожей. Он взял её за подбородок двумя пальцами и поднял её лицо. Пальцы были тёплые. Она смотрела ему в глаза и не могла понять, чего боится больше: того, что он сделает ей больно, или того, что не сделает.

— Руки, — сказал он.

Она протянула руки. Он повернул их запястьями вверх и провёл большим пальцем по красным полосам от ремней, сначала по левому, потом по правому. Медленно, будто считывал. Кожа под его пальцем горела. Она перестала дышать, потом спохватилась и вдохнула слишком резко, и он это услышал и улыбнулся уголком рта.

За его плечом, в темноте у колонны, стояли фигуры.

Они пришли и сюда. Столб света их не касался, они держались у края, бледные, вытянутые, и шелестели. Испуган-

ная металась вдоль колонны, вверх и вниз, её края расплывались. Она повторяла свою фразу из трёх щелчков и выдоха всё быстрее, громче, и теперь Арви ясно слышала, что последний выдох в ней поднимается, как вопрос.

— Смотри на меня, — сказал он.

Она посмотрела. Он наклонился.

Поцелуй был таким, каким она его ждала. Твёрдым сначала, потом мягче, его рука легла ей на затылок, пальцы вошли в волосы, и узел, который и так держался плохо, распустился, и волосы упали ей на плечи. Колени ослабли. Он прижал её к себе, и она вся ушла в это тепло, в запах кожи, в тяжесть руки на спине. Где-то в теле развязалось то, что было стянуто с самой башни, с хрустального стула, и она подумала, что вот сейчас, вот наконец.

Он приблизился губами к ее шее и прошептал:

— Ты моя.

И она знала, что он это скажет. Знала интонацию, знала паузу перед словом «моя», знала, что сейчас его ладонь сдвинется с поясницы ниже, и ладонь сдвинулась. Знала, что он поведёт её к ступеням трона, и он повёл. Каждое движение приходило на полсекунды позже, чем она его ожидала, как эхо собственной мысли. Так бывает, когда перечитываешь старую книгу и губы сами шевелятся на следующей строчке.

У колонны шелестели. Испуганная дымка замерла, вытянулась в сторону Арви произнося что-то длинное, медленное, с щелчками в середине. Впервые за всё это время мед-

ленно, будто поняла, что иначе её не слышат.

Арви поймала себя на том, что прислушивается. Его губы были у неё на шее, его пальцы расстёгивали пуговицу на её рубашке, а она стояла, запрокинув голову, и пыталась разобратъ, где в этой речи кончается одно слово и начинается следующее. Три щелчка. Выдох. Долгое «за», которое переходило в шелест. Потом всё сначала, опять три щелчка.

Первая пуговица поддалась под его пальцами, а за ней почти сразу вторая. Его дыхание стало тяжелее, и это тоже было вовремя, ровно там, где положено.

Ей стало скучно.

Это пришло не сразу, а как приходит холод в остывающую воду: сначала не замечаешь, потом уже поздно. Тепло в теле было на месте, пальцы были на месте, и где-то рядом всё ещё жила та тугая волна, от которой минуту назад подгибались колени, но сама она уже стояла чуть в стороне от этого и смотрела на седину у него на висках, на слишком правильную линию подбородка, на кольцо, в котором не отражалось ничего. Смотрела и думала: господи, какая же скука.

А вот фигуры у колонны были чем-то чуждым этой ситуации, что они такое она не знала.

— Подожди, — сказала она.

Он не дождался, никогда не умел ждать. Его рука скользнула ей под рубашку, и она уперлась ладонями ему в грудь и оттолкнула, сильно, двумя руками. Он отступил на шаг и остановился. Лицо осталось прежним: приоткрытый рот,

прищур, прядь, упавшая на лоб. Он стоял и ждал продолжения с этим лицом, как манекен в витрине, которого забыли переодеть. Солдаты у колонн не двинулись, придворные не шевелились. Во всём зале только фигуры у колонны пульсировали, и Испуганная снова сказала ту медленную фразу, и снова в конце выдох поднялся вопросом.

Арви подняла руки и хлопнула в ладоши. Два раза, резко. Зал сложился. Свет из купола погас, будто его выключили, и следом за ним погасли стены, пол, трон, мужчина с седыми висками. Последним ушёл шелест, и ей показалось, что он оборвался на середине слова.

* * *

Шлем был тёплым и влажным изнутри. Арви нащупала застёжку под подбородком, отщёлкнула её и стянула дутый пластик с головы, путаясь в волосах. Мягкие подушечки на висках отлипли с тихим чмоканьем, и сразу стало холодно в тех местах, где они прилегали.

Каюта была тёмной. Над дверью горела дежурная полоска, синеватая, и в её свете проступали знакомые углы: откидной стол с кружкой, в которой засохли остатки чая, куртка на крючке, стопка планшетов с рейсовыми отчётами (она обещала себе разобрать ещё позавчера). Под ногами, сквозь палубу, ровно гудел «Стриж», и гул этот она знала телом, как знают собственный пульс. Шла вторая смена. За переборкой кто-то прошёл по коридору, мягко, в корабельных тапках, и шаги стихли у камбуза.

Она сидела на койке, поджав под себя ноги, в старой футболке и шортах. Никакой рубашки с пуговицами. На запястьях почти никаких следов, только привычные мелкие шрамы от такелажа, белые и давние. Волосы и правда выбились из узла и лезли в лицо. Хоть что-то совпало.

Арви вытерла ладонью мокрый лоб и засмеялась, коротко, в пустую каюту. Смех вышел не такой, как обычно, и она его оборвала.

Сценарий для своего нейрошлема с башней она написала на прошлой неделе. Хрустальный стул придумала отдельно и очень собой гордилась: хотелось холода, хотелось, чтобы было по-настоящему страшно. До башни был корабль контрабандистов, где её держали в трюме, до корабля курорт на Сольвейге с женщиной, который не сводил с неё глаз с первого вечера, до курорта что-то про войну, про госпиталь, она уже не помнила подробностей. Она каждый раз меняла декорации, придумывала новые двери, новые запахи, новую опасность, и каждый раз в конце всё сходилось к одному лицу, к одной паузе перед словом «моя», и дальше становилось скучно. Сначала через неделю. Потом через три дня. Сегодня хватило полуминуты.

Лицо было Рилана. Сценарий слегка его улучшал: плечи шире, в талии без той мягкости, которая появилась у него за последние годы, голос ниже, и седина только на висках, аккуратная, будто нарисованная, никаких измененных возрастом щек и подбородка — только тот образ, который хочет-

ся рисовать. И этот никуда не торопился: забывал про часы, лежал рядом до утра и ждал, пока она сама поднимется первой, а слов «мне пора» в нём попросту не водилось. Она собирала его характер заново каждый раз и каждый раз вытаскивала из него то, что мешало, и в итоге вытащила что-то, без чего он перестал быть интересным. Ива сказала бы, что это закономерно. Ива сто раз предлагала ей нормальный сценарий, профессиональный, с сюжетом, с людьми, у которых есть свои желания. Арви каждый раз отказывалась, и они обе знали почему, и обе делали вид, что не знают.

Она положила шлем на колени и посмотрела на него. Обычный шлем, матово-серый, с потёртым ободком там, где она его всегда хватала. На боковой панели мигал зелёный огонёк: сеанс закрыт, запись сохранена.

Запись.

Арви потянулась к планшету на столе и задела локтем кружку. Та тяжело опрокинулась набок, глухо стукнула о столешницу, прокатилась по ней и ударилась о бортик, и задохший чай даже не шевельнулся на дне. Она открыла файл сценария. Башня, стул, ремни, шесть солдат, лестница, коридор, полотнища со знаком, зал, мужчина. Она пролистала до конца и обратно. Никаких фигур у стены. Никаких существ без лиц, никакой речи из щелчков и выдохов. Их список персонажей не знал, и в описании комнат, сколько она ни прокручивала его вверх и вниз, о них не нашлось ни строчки.

Она открыла журнал сеанса. Сорок одна минута. Шкала

активности шла ровной волной, с пиками там, где она ждала пиков, а на семнадцатой минуте, когда она ещё сидела на хрустальном стуле, волну пересекла тонкая чужая линия, неровная, как почерк на холоде. Она тянулась до самого конца, до хлопка. Шлем записал её вместе со всем остальным, аккуратно, секунда за секундой, и положил в архив, откуда его в любой момент может запросить медкомиссия.

Арви знала, как чистить журнал. Знала, какие поля трогать, чтобы не осталось следов правки. Делала это не раз. Она сидела, держа палец над экраном, и не нажимала, потому что в голове у неё всё ещё звучала та фраза. Три щелчка, выдох, долгое «за», уходящее в шелест. Она могла бы повторить её сейчас, вслух, с той же интонацией, с тем же подъёмом в конце. Она не придумывала этого звука, у неё не хватило бы на него воображения.

Переутомление, сказала она себе. Слишком долго не спала, слишком много кофе, слишком много пустых вечеров. Подсознание подсунуло что-то своё, тёмное, из давнего, из того, что не помнишь днём. Или программа сбилась, наложила кусок чужого сценария, такое бывает, наверное, бывает.

Испуганная металась вдоль колонны и всё время смотрела на дверь.

Арви встала, включила верхний свет на полную, и каюта сразу стала маленькой, резкой, с белыми стенами и засохшим пятном чая на столе. Она постояла, щурясь. Потом мед-

ленно обернулась и посмотрела в угол за шкафчиком, где стены сходились под потолком и где было чуть темнее, чем везде. Там было пусто. Она смотрела туда ещё долго, пока не заболели глаза, и только потом снова села на койку и взяла планшет, чтобы вычистить из журнала семнадцатую минуту и всё, что шло после неё.

Глава 2

В дверь постучали дважды, потом, почти без паузы, ещё раз. Так стучал только Мик: два раза для приличия и третий, чтобы было понятно, что он всё равно войдёт.

— Открыто, — сказала Арви.

Он вошёл боком, потому что в одной руке держал кружку, в другой тарелку, накрытую второй тарелкой, а дверь на «Стриже» открывалась ровно на ширину одного нормально-го человека. Мик нормальным человеком не был, он был выше почти на голову, сутулился, чтобы не задевать притолоку, и сегодня на нём был свитер Ленни, зелёный, с растянутым воротом, в котором Ленни ходил на вахту, пока свитер не пропал. Арви давно знала, куда пропадают свитера с этого корабля.

— Ты опять не спишь, — сказал Мик. — У тебя горит свет на полную, это видно из коридора по щели. Я думал, у тебя пожар.

— Я бы тебе сказала про пожар.

— Ты бы его сначала потушила сама, а потом сказала, что было немножко дымно.

Он поставил кружку на стол, заметил там её старую кружку, лежащую на боку, и засохшее пятно, и посмотрел на всё это так, как смотрят на мёртвую мышь. Двумя пальцами поднял кружку, заглянул внутрь.

— Это какого дня?

— Не помню. Вторника.

— Сегодня суббота, Арви.

— Значит, прошлого вторника.

Мик вздохнул, отнёс кружку в санитарную нишу в углу и нажал клавишу крана. Обратная вода потекла скупно, по норме, он набрал её в кружку на палец, оставил отмокать и вернулся к столу. Там он снял с тарелки верхнюю, и под ней оказались два куска пирога, серого с виду, в тёмных прожилках.

— Это что?

— Это пирог, из того, что осталось от ужина.

— Ты на ужин не пришла!

— Я была занята!

— Я видел, чем ты была занята, — он кивнул на шлем, который так и лежал у неё на койке рядом с планшетом, матово-серый, с огоньком на боку. — Пей, пока горячий. Я туда положил мёд и корку, как ты любишь, хотя ты не заслужила.

Арви взяла кружку обеими руками. Чай был крепкий, чуть горький от корки и сладкий у дна, и пах так, как пахла их школьная кухня на Тиине, когда им было по двенадцать лет и они варили чай на плитке в подсобке у школьного смотрителя, потому что дома у Мика было нельзя, а дома у Арви не было плитки, у тииров вообще не было плитки. Она сделала глоток и почувствовала, как он проходит вниз, горячей полосой, до самого живота. Только тогда она поняла, что у

неё холодные руки.

Мик сел на край койки, отодвинув шлем подальше, как будто тот мог укусить, и сложил руки на коленях.

— Ну, — сказал он.

— Что «ну»?

— Ну, кто сегодня был. Пират? Князь? Тот, с конюшней?

— Диктатор.

— О, — сказал Мик. — Новенькое. Растём.

— Там был замок, — сказала Арви и сама удивилась, что голос у неё звучит обыкновенно. — Страна, где всех давят, флаги, солдаты в чёрном. Меня держали в башне. На хрустальном стуле.

— На хрустальном.

— Да.

— Это же неудобно.

— Это красиво.

— Это холодно и скользко, — сказал Мик. — И если он треснет, ты себе всё порежешь. Ладно. И кто был диктатор?

Арви посмотрела в кружку. Там плавала корка, закрутившаяся в тёплой воде, как стружка.

— Ты знаешь, кто был диктатор.

Мик помолчал. Потом потянулся, взял с тарелки кусок пирога, откусил и сказал с набитым ртом, так что вышло не очень внятно:

— Я знаю. Я хотел, чтобы ты сама сказала.

— Рилан, — сказала она. — Опять Рилан. Только лучше. Выше, плечи шире, живота нет, седины красивая, как нарисованная. И он никуда не торопится.

— Вот это, конечно, чистая фантастика.

Она засмеялась, коротко и громко, и чай плеснул через край кружки ей на пальцы. Мик молча протянул ей салфетку, которую, оказывается, всё это время держал в кармане, будто знал, что она понадобится.

— Я знаю, — сказала Арви, вытирая руки. — Я знаю, Мик. Я же его забываю. Я честно забываю. Я удалила его из контактов, я не открываю новости с Таврики, я даже Аюде запретила про него спрашивать.

— Аюда спрашивает всё равно.

— Аюда спрашивает всё равно, — согласилась Арви. — Но я ей не отвечаю. Почти. А потом приходит вечер, в каюте

тихо, и я думаю, ну ладно, один раз, никто же не узнает, это ведь не он, это картинка. И опять собираю его заново.

— И как тебе картинка?

— Скучно.

Мик перестал жевать.

— Серьёзно?

— Серьёзно. Он меня целует, а мне скучно. Я знаю, что он скажет. Я знаю, куда он положит руку. Я знаю, в какой момент он скажет «ты моя», потому что я сама это написала, три года назад, и с тех пор только меняю ему костюм. Как будто перечитываешь книгу, которую знаешь наизусть, и уже на середине страницы видишь, какое слово будет в конце.

— Может, это и хорошо, — сказал Мик. — Может, это значит, что оно проходит.

— Может, — сказала Арви, хотя не верила. Она знала, как это бывает — в жизни Рилан тоже бывал скучным, и это ничего не меняло, её всё равно тянуло к нему, как тянет к краю, когда стоишь на высоте. Шесть лет её тянуло, до головокружения. Она видела его раз в три месяца, если везло с рейсами, потом раз в полгода, и каждый раз он смотрел на часы, а она делала вид, что не видит, и каждый раз она думала, что это последний, и каждый раз это оказывалось не так. А потом она узнала про него то, после чего слово «последний» стало значить что-то определённое, и всё равно сидела вечером в каюте и надевала шлем.

Мик смотрел на неё поверх пирога.

— Ты опять ушла куда-то, — сказал он.

— Я здесь.

— Ты на Таврике. У тебя лицо таврийское делается, кислое.

— У меня нормальное лицо.

— У тебя лицо человека, которому три часа не дают визу.

Вернись, пожалуйста, у меня пирог стынет.

Она вернулась. Взяла второй кусок, откусила. Пирог оказался с грибами и сушёными ягодами, неожиданно вкусный, и она сказала об этом, и Мик кивнул с видом человека, которому это говорили уже двенадцать раз за вечер и ещё раз не повредит.

— Это Бажена сказала, что так нельзя, грибы с ягодами, — сообщил он. — А потом съела три куска. Так что я теперь прав.

— Ты всегда прав, когда кормишь.

— Я всегда прав. Просто когда кормлю, со мной не спорят.

Она доела и облизала палец. Мик смотрел на её руки, на почти невидимые полосы, все еще видневшиеся на запястьях, едва-едва, где шлем передавал в кожу ощущение давления жесткого шибари-кружева и тело верило ему дольше, чем стоило бы. Она спрятала руки под кружку, но было поздно.

— Арви, — сказал он.

— М?

— Я тебе сейчас скажу одну вещь, ты только не кидайся ничем. У тебя в руках горячее.

— Я поставлю.

— Поставь.

Она поставила кружку на стол. Мик сцепил пальцы и некоторое время смотрел на них, собираясь, и она видела, как он собирается, потому что знала его тридцать лет и знала, что у него на лбу появляется складка, когда он хочет сказать что-то неприятное так, чтобы не обидеть.

— Я не осуждаю, — сказал он. — Ты знаешь, я вообще ничего не осуждаю, у меня самого на анкете написано, что я люблю долгие прогулки, а я их ненавижу. Фантазируй про кого хочешь. Хоть про Рилана, хоть про начальника порта на Тессе, у него усы. Но ты послушай, как это звучит. Тебя держат в башне. Привязанной. На стуле, который вот-вот лопнет. Потом солдаты тащат тебя вниз. Потом мужик, который считает тебя своей собственностью, делает с тобой что хочет, а ты ему «спасибо».

— Я не говорю «спасибо».

— Ну, по смыслу.

— Это жанр, Мик. Все так пишут. Открой каталог, там половина такого.

— Я открывал каталог. Там половина такого, согласен. А у тебя всё такое! В прошлый раз были пираты, и тебя везли в трюме. До этого был князь, и тебя везли в клетке. До этого, я уже боюсь спрашивать, была какая-то секта.

— Орден.

— Орден. И ты там, по-моему, тоже не в президиуме сидела.

Арви открыла рот и закрыла. Потом сказала:

— Это просто картинки.

— Это твои картинки, — сказал Мик мягко. — Ты их себе сама шьёшь. Никто тебе их не продаёт. Ива бы тебе продала нормальные, с сюжетом, где ты хоть раз кого-нибудь спасаешь, ты же это умеешь лучше всех в Рукаве. А ты берёшь и привязываешь себя к стулу. Каждый раз. Я не знаю, что это значит, я кок. Но, по-моему, в твоих фантазиях многовато насилия над тобой самой. И, по-моему, по тебе плачет доктор.

Он сказал это так спокойно, будто говорил, что у неё кончилась соль. Арви почувствовала, что краснеет, от шеи вверх, и разозлилась, на него за то, что он это сказал, и на себя за то, что покраснела.

— Доктор у меня есть, — сказала она.

— У тебя есть доктор, которому ты платишь наличными в подвале на Пьорте, раз в полгода, и который выписывает тебе таблетки. Это не совсем то же самое, что доктор, с которым можно поговорить.

— Мне не надо поговорить.

— Тебе всегда надо поговорить. Ты со мной сейчас разговариваешь. Ты с Аюдой разговариваешь по два часа, когда сигнал ловится. Ты с Ирмой разговариваешь.

— Ирма медик.

— Ирма медик, — согласился он, — и она тебе тоже скажет, что...

— Мик.

— Ладно. Всё. Я сказал, ты слышала, я больше не буду.

Он поднял руки, показывая, что сдаётся, и взял с тарелки крошку. Арви смотрела на него и чувствовала, как злость выходит из неё, как воздух из проколотого мешка, потому что злиться на Мика было всё равно что злиться на погоду, которую сама же заказала. Он сказал ровно то, что она сама думала по ночам и не произносила. Он всегда так делал. С десяти лет. Она тогда только привыкала к людскому городу, к тому, что люди разговаривают по одному, и Мик первым сказал ей, что у неё смешной акцент и что она ест как голодная собака, а потом отдал ей половину своего обеда и сел рядом, и с тех пор так и сидел.

— Ты таблетки сегодня пила? — спросил он.

— Ты же сказал, что больше не будешь.

— Я больше не буду про доктора. Про таблетки я буду всегда. Пила?

— Пила.

— Утренние или вечерние?

— Утренние.

— А сейчас какое время?

Она посмотрела на часы на планшете. Была вторая смена, почти середина.

— Сейчас вечер, — сказала она.

Мик полез в карман свитера, в тот самый карман, где раньше лежала салфетка, и вытащил маленький плоский футляр. Раскрыл, вытряхнул на ладонь две таблетки и протянул ей. Она взяла, запила чаем, скривилась, потому что вторая таблетка всегда горчила и прилипала к нёбу.

— Ты что, их с собой носишь? — спросила она.

— Я их с собой ношу с тех пор, как ты в прошлый раз сказала «пила» и не пила.

— Это было один раз.

— Это было три раза, — сказал Мик. — Но я добрый, я считаю за один.

Она засмеялась и отставила кружку. На дне оставалась корка и немного тёмного чая. Мик забрал тарелку, поставил её на край стола, откуда она непременно потом упадёт, и Арви уже собиралась сказать ему об этом, но передумала, потому что сейчас было важнее другое. Оно лежало у неё под языком с самого начала разговора, горькое, как та вторая таблетка, и она не знала, как начать.

— Мик, — сказала она. — Там было ещё кое-что.

Он поднял голову.

— В сценарии?

— Да. Кроме Рилана. Там были... — она поискала слово и не нашла. — Фигуры. У стены в башне, потом в зале. Высокие, бледные, без лиц. Как отражение в ложке, понимаешь, вытянутые. Сквозь них было видно камни.

— Призраки, — сказал Мик.

— Ну... да. Похоже на призраков.

— Ты заказывала призраков?

— Нет. В том-то и дело. Я их не заказывала. Я проверила файл, их там нет. Ни в персонажах, ни в описании комнат, нигде. Я этот сценарий знаю наизусть, я его три года правлю, там нет ни одной строчки про них.

Мик подтянул ногу на койку, обхватил колено. Шутить он перестал.

— И что они делали?

— Говорили. Щёлкали, — она показала пальцами, щёлкнула три раза, сухо, как ей помнилось. — Потом выдох. Потом такое длинное «эа», которое уходит в шелест. Одна из них оглядывалась, дергалась, будто боялась, что кто-то войдёт. А другая подошла ко мне совсем близко, к уху, и как будто хотела что-то сказать.

— И что сказала?

— Я не поняла. Это был не язык. То есть язык, но не наш. Тирский или сарнский я бы узнала с первого звука.

— Может, вейрский?

— Вейры не щёлкают. Вейры шипят.

— Ну да, — сказал Мик и задумался.

Он помолчал.

— Жутко было?

Арви подумала. Жутко было потом, в каюте, когда она смотрела в угол за шкафчиком. А там, в башне, было по-

другому.

— Интересно было, — сказала она. — Это было единственное интересное за весь сеанс. Он меня раздевает, а я их речь понять пытаюсь! Никакого интима.

— Ну, это многое говорит о диктаторе.

Она фыркнула.

— Это ещё не всё. Они попали в журнал.

Мик посерьёзnel.

— Как попали?

— На семнадцатой минуте пошла вторая линия активности. Чужая. Её не должно быть, шлем пишет только меня и сценарий. А тут рядом какая-то другая кривая, неровная, и тянется до того момента, пока я не хлопнула.

— Ты её убрала?

— Убрала.

— Чисто?

— Мик, я капитан спасательного борта! Я чищу логи аварийных маяков на ходу! Конечно, чисто.

— Я просто спросил. Если медкомиссия полезет в твои записи и увидит, что наш капитан слышит голоса...

— Никто их не увидит.

— Ладно, — сказал он. — Хорошо. Я просто спросил.

Он потёр ладонью колено, туда и обратно. Арви знала этот жест. Мик так делал, когда думал за двоих.

— Слушай, — сказал он. — А может, это твоя голова и есть? Ну, в смысле, ты сама их туда принесла. Шлем же бе-

рёт из тебя. Ты ему даёшь сценарий, а он добывает остальное тем, что у тебя внутри лежит. Может, у тебя там лежали какие-нибудь призраки. С детства. Мы же росли, прости, в городе, где на одного человека приходилось сорок тииров, у меня самого до сих пор бывают сны, будто я разговариваю с кем-то, а они отвечают сразу всей группой.

— Тиеры не щёлкают тоже.

— Я не про это. Я про то, что у тебя в голове всякое может лежать. Подсознание. Ты мне сама говорила, что шлем хватает то, что под рукой.

Арви подумала. Это было похоже на правду. Шлем читал её, тянул из неё отклики, и если она подкидывала ему дыру в сценарии, он затыкал дыру тем, что находил.

— Может быть, — сказала она. — Но тогда это моё подсознание, и оно у меня какое-то очень чужое.

— Ну, у всех чужое. На то оно и подсознание. Если бы оно было родное, его бы звали сознание.

— Это ты сейчас придумал?

— Это я сейчас придумал, — гордо сказал Мик. — Запиши, продашь Иве.

— Ива такое не купит. Она купит только то, что сама пережила.

— Тогда ей надо пожить со мной недельку, она много чего переживёт.

Арви засмеялась. Потом снова стала думать. Ей хотелось объяснения попроще, из тех, что можно проверить отвёрт-

кой.

— Или программа сбилась, — сказала она. — Шлем старый. Я его перепрошивала сама, два раза, на Феоде, там был дешёвый образ. Мог остаться кусок кэша от чужого сценария. Кто-то до меня играл в какие-нибудь привидения, кусок не стёрся, и теперь вылезает.

— Ты купила подержанный шлем с чужими привидениями?

— Я купила шлем за сорок крон, Мик. За сорок крон не бывает без привидений.

— Вот видишь, — сказал он. — Или подсознание, или сорок крон. И то и другое не страшно.

— И то и другое не страшно, — повторила Арви.

Она сама не знала, верит ли в это. Но это было удобное объяснение, и оно было техническое, и она вполне могла представить, как вечером, когда будет время, разберёт шлем, вытащит старый модуль памяти и найдёт там в каком-нибудь закоулке файл с призраками, прилипший к её собственным файлам, как чужая жвачка к подошве. Эта картинка ей понравилась, и она за неё ухватилась.

— Я его завтра разберу, — сказала она. — Утром. Перед вахтой.

— Утром ты спишь, — сказал Мик. — Утром у тебя режим. Разберёшь днём, после совещания. Я тебе принесу отвёртки и бутерброд.

— Ты мне нянька.

— Я тебе суперкарго. Младший. Это почти одно и то же. Я слежу, чтобы груз не испортился.

— Я груз?

— Ты самый ценный груз на этом корабле. Без тебя «Стриж» никуда не летит, и тринадцать человек сидят без работы, а я без зарплаты. У меня кредит за курсы, между прочим.

— Какие курсы?

— Кондитерские. Я говорил. Когда съеду, открою кондитерскую на Тессе.

— Ты десять лет съезжаешь.

— И съеду, — сказал Мик с достоинством. — Вот увидишь. Как только ты перестанешь есть пирог из остатков в два часа ночи, так я сразу и съеду.

Они оба помолчали, довольные друг другом. На планшете у неё тихо щёлкнуло: в канале прошла пачка сводок. Арви машинально глянула, профессиональная привычка, ничего не могла с ней поделать. Сводки Дальней спасательной службы, обычные, по сектору. Аварийный маяк на грузовике у Тиины, его уже приняли другие. Сбой узла у Сольвейг, ожидание до шести дней. Ничего для них. «Стриж» был в дежурстве, до Тессы оставалось двое суток хода, и там полагалось пополнить запасы, заправиться, отоспаться и ждать вызова, потому что вызов всегда приходил, рано или поздно, просто нельзя было угадать, откуда.

— Ничего? — спросил Мик.

— Ничего. Грузовик у Тиины, его Венни забрал.

— Венни вечно успевает первым.

— Венни вечно торчит у Тиины, потому что у него там женщина.

— У Венни везде женщина, — сказал Мик без зависти.

— У меня тоже будет. Мне Аюда вчера новую анкету переписала. Хочешь почитать?

— Ты мне её пришлешь, и она придёт через девять дней, как в прошлый раз.

— Нет, у меня копия есть.

Он вытащил из того же бездонного кармана свой коммуникатор, долго искал, листал, морщил лоб. Арви смотрела на него, лохматого, в чужом свитере, с крошками пирога на рукаве, и чувствовала, что пустая каюта больше не пустая. Даже белые стены стали вроде бы теплее, хотя свет она так и не приглушила.

— Вот, — сказал Мик. — «Спокойный, надёжный, люблю готовить и путешествовать. Ищу ту, с кем можно молчать».

— Ты не умеешь молчать.

— Это Аюда написала. Она говорит, это привлекает.

— Это привлекает женщин, но при встрече они будут очень удивлены — Арви уже еле сдерживала хохот.

— Пусть удивляются. Удивление, между прочим, тоже чувство.

Она засмеялась, опять громко, и смеялась долго. Мик ждал, улыбаясь краем рта, как всегда, когда шутка удавалась

ему лучше, чем он рассчитывал. Потом она отсмеялась и откинулась назад, к переборке, и какое-то время просто сидела, чувствуя спиной прохладный металл и слыша, как корабль гудит своим привычным, ровным гулом, в котором она по звуку могла бы назвать каждую систему.

— Ты пойдёшь? — спросила она.

Мик посмотрел на неё внимательно.

— Хочешь, чтобы я пошёл?

— Нет.

— Тогда не пойду. Я посижу, пока ты не заснёшь. Мне всё равно надо анкету дочитать, там ещё есть про хобби, я его не видел.

— Какое у тебя хобби?

— Не знаю. Сейчас узнаю.

Он уткнулся в экран. Арви легла, не раздеваясь, подтянула одеяло до подбородка. Шлем Мик переложил на стол, подальше, и огонёк на нём больше не мигал, просто горел ровным зелёным. Она подумала, что надо бы выключить верхний свет, и не стала. Потом, уже засыпая, повернула голову и посмотрела за шкаф. Там было пусто, и чуть темнее, чем везде, как и час назад. Она смотрела туда немного дольше, чем нужно, пока Мик не хмыкнул над своим экраном.

— «Хобби: вышивка», — прочитал он вслух. — Я её убью.

— Тебе пойдёт, — сказала Арви с закрытыми глазами. — Будешь вышивать и молчать.

Он что-то ответил, но она уже не расслышала, потому что

спала.

Глава 3

Завершив совещание раньше времени и сбежав от команды, стремящейся пообщаться, Арви прикрыла дверь каюты, расчистила стол и постелила на него чистую салфетку. Шлем лежал посередине перламутрово-серым куполом, слишком простым с виду для вещи, которая умела выдавать чужого мужчину за настоящего и складывать в архив то, чего в программе быть не должно.

До Тессы оставалось меньше двух суток. Если она хотела разобрать шлем до прихода в док, следовало начинать сейчас, пока никто не требовал капитана, подписи или решения, которое всем заранее не нравилось.

Мик постучал дважды для приличия и третий раз по существу.

— Заперто, — буркнула Арви.

— Я заметил, — слышалось из коридора и дверь откатилась.

Мик вошёл с плоским ящиком инструментов под мышкой и тарелкой в руке. На тарелке лежал бутерброд толщиной с аварийный паёк.

— Это тебе.

— Я поела после совещания.

— Ты выпила кофе.

— В кофе было молоко.

— Там было название молока на упаковке. Самого молока там почти не было.

Он поставил тарелку у края стола, ящик положил на койку и раскрыл. Отвёртки лежали по размеру, каждая в своей петле. Арви выбрала самую тонкую.

— Ты их сортируешь?

— Я кок. Мне положено понимать разницу между порядком и бедствием.

— Ты младший суперкарго.

— Именно поэтому я принёс отвёртки. Кок принёс бутерброд.

Арви села, зажала шлем коленями и подцепила мягкую накладку обода. Под ней обнаружились четыре винта, один с сорванным краем. Кто-то уже открывал корпус и торопился. Шлем был подержанный, так что удивляться тут было нечему, однако Арви всё равно провела ногтем по царапине.

— Держи, — сказал Мик и протянул магнитный лоток.

Она сложила туда винты. Мик сел на койку, согнув длинные ноги, и подвинул бутерброд ближе к её локтю.

— Я не могу есть над открытой платой.

— Можешь отвернуться.

— Плата всё равно останется открытой.

— Тогда она сама виновата.

Корпус разошёлся со слабым щелчком. Арви сняла заднюю панель и положила её на салфетку внутренней стороной вверх. Под ней шли три гибкие платы, блок питания и

два ряда нейроконтактов, прикрытых прозрачной мембраной. Между слоями накопилась светлая пыль от накладки.

Она подключила планшет сервисным шнуром. Шлем мигнул зелёным, потом жёлтым, распознав вскрытый корпус.

— Всё, — сказал Мик. — Он понял, что его режут, и зовёт Ирму.

— Если бы техника умела жаловаться Ирме, половина корабля давно попросила бы эвакуации в психушку.

На планшете развернулась схема памяти. Пользовательские файлы Арви занимали верхний сектор, сценарии лежали ниже, за ними шли журналы, служебные карты и резервный раздел. Лишняя линия на семнадцатой минуте исчезла вместе с очищенной записью. Следов правки Арви тоже не оставила.

Она открыла таблицу распределения и запустила чтение свободных блоков.

— Сколько? — спросил Мик.

— Двенадцать минут.

— Отлично.

Он взял бутерброд и подал ей. Арви откусила, продолжая смотреть на бегущие адреса.

— Что там?

— Сыр.

— В шлеме.

— Пока ничего.

— Значит, сыр интереснее.

В свободных блоках находились обычные обрывки: кусок стены из башни, край чёрного флага, две секунды лестницы, ладонь Арви на хрустальном подлокотнике. Шлем удалял старые версии лениво, пока ему хватало места. Она отметила всё, что содержало человеческие очертания, и просмотрела вручную. Один тёмный силуэт оказался солдатом. Другой был спинкой трона. Бледное пятно принадлежало застывшему окну из прежней версии зала.

Высоких фигур без лиц нигде не было.

Арви, морща нос и всем лицом отображая недовольство, переключилась на резервный раздел. Там хранились заводские тесты, образцы голоса, проверочная комната с белым кубом и метки калибровки. Она сверила контрольные суммы.

— Чисто, — сказала она.

Мик перестал жевать.

— Совсем?

— Заводской пакет совпадает. Резервные таблицы целые. Сейчас посмотрю физические модули.

Она отсоединила первый блок памяти, осмотрела контакты и поставила его в считыватель. Потом второй. На нём осталась старая маркировка ремонтной мастерской, затёртая настолько, что читались две цифры. Арви прогнала поиск по сигнатурам чужих сценариев, библиотекам персонажей и остаточным связям. Планшет выдал перечень её собственных файлов, включая три удалённых диктатора, клет-

ку, трюм и один ранний вариант башни, где Рилан носил длинный плащ и выглядел глупее, чем она помнила.

Мик заглянул через её плечо.

— Вот этот хороший.

— Он ходил по плащу каблуками.

— Зато не успевал тебя догнать.

— Поэтому я его и укоротила.

— Плащ?

— Сценарий.

Мик коротко рассмеялся и вернулся к бутерброду. Арви раскрыла служебные индексы, которыми обычный пользователь никогда не интересовался. Чужой сценарий оставил бы заголовок, таблицу объектов или хотя бы цепочку зависимостей. Старый кэш мог потерять имя, но размер, дату записи и связи с визуальным модулем шлем сохранил бы.

В памяти лежали только её башни, её комнаты и её Рилан во множестве вариантов.

Арви повторила поиск с отключёнными фильтрами. Потом запустила восстановление удалённых заголовков и дождалась, пока планшет проверит каждый блок.

— Ты уже второй раз смотришь, — сказал Мик.

— Сейчас другой режим.

— В прошлый раз он тоже был другой.

— В прошлый раз был первый другой. Сейчас второй.

— Понятно. Техническая терминология.

Поиск закончился. Арви прокрутила отчёт до самого низа

и задержала палец над пустой строкой результатов.

— Старого сценария с привидениями нет, — сказала она.
— Чужого кэша тоже. Этот блок ставили пустым, потом на него писала только я.

— Подсознание, значит.

— Значит, подсознание.

Мик произнёс это быстро. Арви ответила ещё быстрее и занялась мембраной контактов. Под ней тоже не нашлось ничего интереснее пыли и одного волоса, зажатого у края. Её собственного, тёмного.

— Оно у тебя образованное, — сказал Мик. — Само придумало язык.

— С тремя щелчками.

— Любит сложные задачи.

— И ведёт отдельный журнал.

— Аккуратное.

Арви посмотрела на него. Мик доел бутерброд, собрал крошки с тарелки пальцем и отправил в рот.

— Это всё ещё самое разумное объяснение, — сказал он.

— Конечно.

— Особенно если не смотреть на него близко.

Она сняла сервисный шнур и начала собирать шлем. Винт с сорванным краем цеплялся за резьбу, отвёртка соскальзывала. С третьей попытки Арви его посадила и затянула сильнее, чем требовалось.

Мик убрал инструменты в ящик.

— Раз мы закончили с твоей личной бездной, можно заняться моей.

— У тебя новая?

Он достал коммуникатор и показал переписку. Вверху стояло подтверждение встречи на Тессе, время и адрес бара в жилом обode. Ниже шли несколько сообщений от женщины с фотографии. Арви успела увидеть тёмные кудри, широкую улыбку и яркий воротник.

— Она согласилась?

— Завтра вечером.

— На анкету Аюды?

— Представь себе. Вышивка оказалась ошибкой, она убрала её утром.

— Жаль. Я уже придумала тебе узор.

— Мне надо решить, что надеть.

Мик встал, вышел в коридор и через минуту вернулся с двумя рубашками на вешалках. Одна была тёмно-синяя и почти новая, вторая серая, мягкая от множества стирок.

— Синюю, — сказала Арви.

— Она тесная в плечах.

— Значит, у тебя будут плечи.

— Они и так есть.

— Про них никто не знает из-за твоей осанки.

Он приложил синюю рубашку к груди и выпрямился. Получилось слишком старательно, подбородок ушёл вверх, руки повисли вдоль тела.

— Так?

Арви взяла планшет и включила запись.

— Ты идёшь на свидание, а выглядишь так, будто сейчас объявишь эвакуацию жилого обода.

— Куда деть руки?

— Одну в карман.

— На рубашке нет кармана.

— В карман брюк, Мик.

Он сунул обе руки в карманы.

— Одну.

Мик оставил правую, левую поднял и почему-то прижал к животу.

— Теперь ты как будто ждёшь ребеночка.

— Мне нужна инструкция с картинками! Откуда я знаю какая поза ей понравится!

— Встань боком. Чуть-чуть. Плечи разверни ко мне. Голову прямо.

Он повернулся боком целиком.

— Ты уходишь из кадра.

— Я стою.

— Ты стоишь в направлении выхода.

Арви показала ему запись. Мик посмотрел, поморщился и потянулся к планшету.

— Удали.

— Это учебный материал.

— Для кого?

— Для Аюды.

— Удали сейчас.

Арви засмеялась и подняла планшет над головой. Разница в росте почти в голову решила дело: Мик без труда отнял планшет, а потом и правда удалил запись и проверил корзину.

— Снимай заново, — сказал он. — И командуй человеческими словами.

Он вернулся к переборке, встряхнул рубашку и приложил её к себе. Арви поставила планшет вертикально.

— Просто расскажи, куда вы пойдёте после бара.

— Если всё будет хорошо, пройдемся по ободу. Там рядом открыли верхнюю галерею.

— Ты ненавидишь долгие прогулки.

— Ради хорошего свидания я могу пройти короткую долгую прогулку.

Теперь он стоял свободнее. Одна рука осталась в кармане, второй он держал вешалку, улыбаясь собственному определению.

— Вот так, — сказала Арви. — Только без вешалки.

Мик бросил рубашку на койку.

— А если она спросит про кондитерскую?

— Расскажи.

— Люди думают, что это шутка.

— Ты десять лет собираешься открыть кондитерскую на Тессе. Шутки столько не живут.

— Я сначала съеду с корабля.

— Ещё одна долгоживущая шутка.

— Я съеду.

— Конечно. Сразу после прогулки.

Он посмотрел запись и одобрительно кивнул.

— Эту оставь.

Арви переслала файл на его коммуникатор. Мик сел рядом со шлемом, подвинув его подальше от края, и открыл переписку. Ответа пока не было. Он всё равно перечитал последние сообщения и улыбнулся, чуть склонив голову.

Арви занялась салфеткой. Стряхнула пыль в сборник, протёрла стол, сложила отвёртки, которые уже лежали в ящике ровно. Дел больше не осталось.

— Ты правда хочешь, чтобы получилось? — спросила она.

Мик поднял глаза.

— Зачем бы я тогда шёл?

— Иногда люди ходят на свидания, чтобы вечером было что рассказать Аюде.

— Ей и без меня есть о чём говорить. Я хочу встретить женщину, с которой мне будет хорошо. Желательно до того, как я поседею.

— Седина привлекает.

— Это ты про Рилана.

Имя легло между ними буднично. Арви ждала знакомого движения, когда хотелось открыть старую переписку, пред-

ставить его руки или хотя бы разозлиться. Вспомнились седые виски, башня и скука через полминуты.

— Я его забываю, — сказала она.

— Ты вчера говорила.

— Вчера я говорила, что пытаюсь. Сегодня забываю по настоящему. Иногда полдня о нём не думаю.

— Хорошо же.

— Ужасно.

Мик отложил коммуникатор.

Арви села на край койки и толкнула носком ботинка ящик с инструментами. Он уехал под стол, ударился о переборку и остановился.

— Когда я влюблена, у меня всё к чему-нибудь привязано, — сказала она. — Просыпаюсь и знаю, кому хочу написать. Вижу какую-нибудь ерунду и знаю, кому её покажу. Можно скучать, ждать, злиться. День держится.

— А теперь?

— Теперь диктатор надоел, Рилан исчезает, и я скоро начну влюбляться в людей в очереди за стыковочными талонами.

— Там бывают достойные люди.

— На Тессе большая очередь?

— Я заранее возьму тебе талон.

Она улыбнулась, но ящик под столом раздражал. Арви вытянула его обратно и поставила у стены.

— Ты человек-половинка, пока не влюблена, — сказал

Мик. — Потом находишь кого-нибудь и срочно объявляешь его второй половиной. Через неделю у тебя уже общая судьба, тайный язык и три катастрофы.

— Это неправда, я полиаморна! И тайный язык у меня теперь есть.

— Три щелчка и выдох?

— Очень удобно. Никто не спорит, потому что никто не понимает.

Мик снова взял коммуникатор. Пришло сообщение, и его лицо сразу оживилось.

— Она спрашивает, люблю ли я верхние галереи.

— Напиши правду.

— Что я люблю короткие долгие прогулки?

— Напиши, что любишь готовить, а гулять согласен ради неё.

Он начал печатать.

— И убери «ради неё», — добавила Арви. — Вы ещё не виделись. Это пугает.

— Это говорит женщина, которая за одну встречу успевает придумать общую старость.

— Я потому и предупреждаю.

Мик отправил ответ и поднялся. Синюю рубашку он забрал, серую оставил лежать на койке.

— Примерю вечером. Если тесная, пойду в серой.

— Синяя лучше.

— Я хочу дышать.

— На первом свидании это необязательно.

У двери он остановился.

— Шлем пока не надевай.

Арви посмотрела на собранный корпус. Зелёный огонёк горел ровно, словно внутри ничего не случилось.

— Пока не буду.

— И поешь.

— Ты уже принёс один бутерброд.

— Это был вступительный.

Он вышел. Арви открыла на планшете снятое видео. Мик стоял у переборки в своей растянутой одежде, рассказывал про галерею и улыбался женщине, которой в каюте не было, потому что завтра собирался увидеть её на самом деле.

Арви досмотрела до конца и включила ещё раз — она гордилась их с Аюдой работой, их нелепый друг шёл на настоящее свидание!

Глава 4

Пересменка на «Стриже» длилась сорок минут. Левая смена ещё не ушла спать, правая уже проснулась, и на это время корабль переходил на автоматику, дежурный пульт мигал в пустой рубке, а все четырнадцать членов экипажа набивались в камбуз, рассчитанный от силы на десятирых. Остальные двадцать три часа двадцать минут они жили двумя разными мирами, проходившими друг сквозь друга по коридорам и оставлявшими друг другу записки, грязные кружки и тёплые койки.

Арви пришла первой, потому что не могла дожждаться. Мик стоял у плиты спиной к двери, в чужом синем свитере с протёртыми локтями. Чей свитер, она определить не смогла.

— Кантри-рагу, — сказал он, не оборачиваясь. — Не трогай крышку.

— Я только посмотрю.

— Ты выпустишь пар!

Она всё равно подняла крышку. Пахло тушёным корнеплодом, сушёным перцем и чем-то копчёным, что Мик берёт с прошлой стоянки. На столе уже лежали две плоские буханки из корабельной печи, нарезанные толсто, и миска маринованной травы с Тиины, которую ела одна Мару. Арви отломала угол у буханки и получила ложкой по пальцам.

Стол в камбузе был один, длинный, привинченный к па-

лубе, с лавками по обе стороны. Лавку ближе к плите когда-то перекрепили на двойные болты: тяжи сидели на ней вдвоём, и прежние болты Бажена за полгода вытянула из пола. Вдоль стены тянулся поручень, за который держались, когда «Стриж» маневрировал, и на поручне висели чьи-то перчатки, забытые, наверное, ещё до Арви.

Потом камбуз стал наполняться.

Первым вошёл Пиц, сразу всеми четырьмя руками: двумя держал и скроллил планшет, третьей держался за косяк, четвёртой уже тянулся к хлебу.

— Капитан, капитан, слушай, у меня на Тессе человек, у него партия фильтров, почти новые, ему срочно надо сбыть, я беру за треть, продаю за половину, это чистое, это совсем чистое, я тебе клянусь...

— А грязное что? — спросила Арви.

— Грязное — это другое, про грязное я тебе потом, про грязное вообще не за столом.

Он сел рядом с ней вплотную, бедро к бедру, и привалился плечом, как привалился бы к переборке. Пиц считал личное пространство выдумкой больших рас, и за шесть лет его присутствия на борту все с этим смирились. Арви обняла его за узкие плечи и потрепала по гребешку на макушке. Он заурчал и не перестал говорить.

Мару и Тула вошли вместе, спорили ещё из коридора.

— Сорок одна, — говорила Мару. — Сорок одна секунда, от люка до полной герметизации. Я сама видела.

— Ты видела, как Ксан держал таймер, — огрызнулась Тула. — Он так медленно тянется к кнопке! Это минус три секунды.

— Минус три секунды у правой смены. У нас таймер держит Пиц.

— Да-да — вредничала Тула, — поэтому у вас вечно выходит сорок одна.

На переборке у медотсека висел лист пластика, расчерченный маркером на две колонки, «лево» и «право», и туда вписывали время, за которое спасатель влезал в полный скафандр. Лист висел третий год. Ирма дважды его снимала и дважды находила на прежнем месте, приклеенным уже на аварийную ленту.

Ксан вошёл тихо, сел на своё место с краю, провёл ладонью по столешнице, будто проверял её на прочность, и только потом сказал:

— Сорок четыре. Я держал честно.

— Сорок четыре — это когда ты заклёпку не трогал, — сказала Мару весело. — А когда трогал?

— Когда трогал, я живой вернулся.

Мару захохотала и хлопнула его по спине. Мару смеялась над всем, шрамы у неё на лице от этого собирались в сетку, и Арви любила смотреть, как она смеётся, потому что сама смеялась так же, всем телом, до слёз.

Тобиаш вошёл, когда шумели уже все, и сел во главе стола. Он ничего не сказал, просто посмотрел на Мару, потом

на Тулу, потом на Пица, который как раз тянул четвёртой рукой кусок хлеба из-под локтя Ксана. Пиц положил хлеб обратно. Тула замолчала на полуслове, Мару перестала смеяться и только улыбалась в тарелку. Тобиаш кивнул Мику.

— Можно подавать, — сказал Мик. — Старпом разрешил.

Он носил кастрюлю вдоль стола и накладывал каждому своё. Арви знала этот порядок наизусть: Ксану без перца, Йоне меньше, чем она попросит, потому что она всегда просит меньше, чем съест, а потом Мик тайком доложит ещё, Бажене и Гвидо по двойной, Эйсару отдельно, в плоскую миску, почти без соли, потому что вейры соль не переносили. Мару он подвинул траву. Ирме положил последней и с горкой, и Ирма, как всегда, сказала:

— Я столько не съем.

— Съешь, — сказал Мик. — Ты с позавчера не ела горячего.

— Откуда ты знаешь, что я ела?

— Я знаю, что ты не ела.

Бажена и Гвидо сели на свою лавку рядом, плечом к плечу, и лавка под ними скрипнула. Бажена была из левой смены и шла спать, Гвидо был из правой и только встал. Двадцать лет они делили одну каюту, одну койку по очереди и один шкаф, и видели друг друга вот так, по сорок минут за столом, а иногда и сорока минут не выходило. Оба были тяжи, широкие, низкие, с короткими толстыми пальцами, и ели одинаково:

низко наклонив голову, быстро, не отвлекаясь.

— Второй насос, — сказала Бажена, не поднимая глаз от тарелки. — Опять гудит.

— Я написал, — сказал Гвидо.

— Ты написал, — согласилась Бажена. Она вытащила из нагрудного кармана сложенный вчетверо листок и развернула его одной рукой. — «Если опять полезешь в муфту без съёмника, я тебя этой муфтой». Там неразборчиво.

— Разборчиво, — глухо бухнул Гвидо. — Там написано: «похороню».

— Там клякса.

— Там «похороню». Я писал в перчатках.

— Съёмник кривой, — сказала Бажена. — Я руками почию быстрее.

— Руками ты мне кольцо сорвала в прошлом месяце.

— Кольцо было старое.

— Но зато моё!

Над столом поднялся гул, как над стадионом. Ленни откинулся на лавке так, что экзоскелет на его длинных ногах щёлкнул сочленениями.

— Двадцать лет, — сказал он. — Двадцать лет люди делят постель и ругаются про кольца. Нури, скажи им, как это называется.

— Брак, — сказал Нури с набитым ртом.

— Совместное пользование койкой по графику, — отрезала Бажена.

— Вот видишь, — сказал Ленни. — Даже звучит как брак.

Гвидо ничего не ответил. Он взял у Бажены листок, перевернул, достал огрызок карандаша из-за уха и что-то дописал. Бажена прочла, фыркнула и убрала листок обратно в карман, тот самый, у сердца. Арви видела, как она это делает, каждый раз, и каждый раз ей хотелось встать и обнять обоих, но обнимать их было бесполезно: оба тяжи, оба обижались, когда их тискали, как детей.

Ленни продолжал говорить, но смотрел уже в другую сторону. Он смотрел на Йону, сидевшую наискосок от него, рядом с Ирмой, маленькую, в рабочей куртке правой смены, застёгнутой до горла, и евшую очень аккуратно, отрезая рагу ложкой на равные куски. Ленни видел её двадцать минут в сутки: первые двадцать минут пересменки, пока она не уходила принимать у него рубку. Все это знали. Ленни знал, что все знают, и ему было всё равно.

— Йона, — сказал он. — Как там наш ветер на подходе к Тессе?

Йона подняла глаза.

— Т-там... там ч-чисто. Я... я смотрела т-т...

— Траекторию?

— Т-таблицы, — сказала она и покраснела до самых ушей.

— Я вот думаю, — сказал Ленни, — если на Тессе будет свободный вечер, можно было бы подняться на верхние галереи, там такой вид...

— У м-меня вахта, — сказала Йона, хотя на Тессе вахты не было ни у кого, и снова опустила голову к тарелке.

Ленни улыбнулся, как будто она сказала «да». Арви заметила, что Ирма незаметно придвинула Йоне свою кружку с водой, и Йона выпила её залпом, не глядя.

В эфире Йона не заикалась ни разу. Арви слышала её на заходах в узлы, на стыковках, на слепом выходе в прошлом году, когда корабль трясло так, что Бажена потом неделю перебирала крепления. Голос у Йоны в эфире был ровный, чистый, и Арви иногда думала, что Ленни влюбился именно в этот голос, а потом пришёл в камбуз и увидел девушку, которая не может произнести «траектория», и влюбился ещё раз.

Нури запел. Он пел всегда, когда был сыт, и ещё когда работал, и когда мыл руки, и когда заполнял журнал. Сейчас он пел что-то про рыбака с Сольвейг, у которого солнечная сеть порвалась на третий день, и пел довольно чисто.

— Нури, — сказала Ирма, — у меня в медотсеке после твоей смены тоскуют даже приборы.

— Приборы тоскуют без меня, — сказал Нури. — Это другое.

— Они просят перевода на левую смену. Я подписала.

— Ты всё подписываешь, что я ни дам.

— Я подписываю то, что ты не читаешь.

Нури засмеялся и продолжил петь, и Ирма поджала губы, но Арви видела, как у неё дрогнул уголок рта, и видела, что она не отодвинулась, когда Нури, распевшись, навалился на

стол локтем рядом с её тарелкой. Ирме было девяносто два, она летала в Рукаве дольше, чем Нури жил на свете, и никогда в жизни она бы не призналась, что без его пения медотсек ей кажется слишком тихим. Арви знала это так же точно, как знала, чей свитер на Мике, то есть не наверняка.

Эйсар сидел напротив неё очень тихо.

Он всегда молчал, но у Эйсара молчание было слышно. Арви не знала, как это объяснить: он просто сидел, ел свою несолёную кашу, держал ложку длинными серо-лиловыми пальцами, и все за столом говорили чуть осторожнее, как говорят рядом со спящим. Кожа у него была матовая, без блеска, а на шее, от уха к ключице, шёл термальный узор, тонкие линии, меняющие цвет. Сейчас узор был спокойный, тёмно-синий. Когда Мару толкнула Ксана локтем и тот качнулся к Эйсару, вейр отодвинулся на ладонь, не прерывая еды. Он делал так всегда. Третий год на борту, и никто ни разу не хлопнул его по плечу, не взял за руку, даже Пиц. У вейров прикосновение значило обещание, и Эйсар никому ничего не обещал.

Арви поймала его взгляд и подмигнула. Он посмотрел на неё, и узор на шее посветлел, пошёл тёплыми рыжими прожилками. Он опустил глаза.

— Ешь, — сказала ему Арви. — Мик старался. Без соли.

— Я ем, капитан, — сказал Эйсар. Голос у него был низкий, чуть хриплый, и за сегодняшнюю пересменку он заговорил в первый раз.

Тула доела первой и отодвинула тарелку.

— Ну и когда будут деньги? — спросила она громко, ни к кому не обращаясь и обращаясь ко всем.

Разговор за столом сразу сменил тон. Даже Нури замолчал.

— Страховая тянет, — сказал Тобиаш. — Документы по «Лейнику» ушли два месяца назад.

— Два месяца назад, — повторила Тула. — А мне на Тессе за каюту платить. Или нам и на Тессе в рубке спать?

— В рубке спит Ленни, — сказала Мару. — Когда думает, что никто не видит.

— Я не сплю, — сказал Ленни. — Я медитирую.

— Выплата будет, — сказала Арви. Она сказала это громко, как говорила на совещаниях, и сама услышала, что вышло слишком громко. — Я на Тессе пойду к ним в контору и сяду у них на столе, и пока не заплатят, не встану.

— А кредит за корабль? — спросил Гвидо. Он спросил спокойно, в тарелку. — Банк не станет ждать страховую.

— Банк подождёт, — сказала Арви. — Банк мне доверяет.

— Банк тебе не доверяет, — сказала Бажена. — Банк тебя терпит.

— Это одно и то же, — сказала Арви, и за столом засмеялись, даже Тула фыркнула.

Долг за «Стриж» висел над ними столько, сколько Арви была капитаном. Она брала его на пять лет, а шёл седьмой. Каждый рейс что-то отгрызал от него, и каждый второй рейс что-то добавлял. Вызовы, которые не забирал Венни, оплачивались хорошо, но Венни забирал половину.

— Можно, — сказал Пиц, и все четыре руки у него взлетели вверх, — можно, я скажу? Я могу закрыть страховую за месяц, у меня есть человек на Тессе, он работает с исками, он...

— Нет, — сказал Тобиаш.

Пиц опустил две руки. Две другие он оставил поднятыми, на всякий случай.

— Он легальный, — сказал он. — Почти.

— Нет.

Пиц опустил оставшиеся руки и вздохнул так глубоко, что задел Арви локтем. Она прижала его к себе и поцеловала в гребешок.

— Покажешь мне своего человека, — сказала она тихо.
— Потом.

— Арвойтус, — сказал Тобиаш, не поднимая головы.

— Я ничего не говорила.

— Я слышал.

Мик тем временем собирал тарелки. Он собирал их всегда, никого не просил, и все давно перестали предлагать помощь. Сложив их стопкой у санитарной ниши, он вернулся к столу с чайником.

— У меня тоже есть объявление, — сказал он.

— Кондитерская? — спросил Нури. — Ты наконец съезжаешь?

— Я съезжаю, — сказал Мик, — в следующем году. Нет. У меня на Тессе свидание.

Секунду все молчали. Потом Мару хлопнула ладонью по столу, и камбуз грохнул. Ленни засвистел. Пиц вскочил на лавку с ногами. Даже Тобиаш поднял глаза от тарелки, и Арви увидела, что он улыбается, сухо, одними глазами.

— С кем? — закричала Тула.

— С женщиной, — сказал Мик с достоинством.

— Это понятно! Кто она?

— Мы переписывались.

— Сколько?

— Долго.

— Аюда анкету писала? — спросила Ирма.

— Аюда, — сказал Мик. — И капитан. Капитан ставила мне осанку.

Все повернулись к Арви. Она кивнула, раздуваясь от гордости, как будто это её собственное свидание.

— У него синяя рубашка, — сказала она. — И у него есть плечи. Просто их не видно.

— Покажи плечи, — закричал Ленни.

Мик выпрямился во весь рост, и в самом деле обнаружилось, что плечи у него есть, широкие, и что он почти упирается головой в потолочную панель. Камбуз засвистел и захлопал. Эйсар стучал ложкой по краю миски, узор на его шее был весь рыжий. Бажена сказала:

— Не корми её сразу.

— Почему? — спросил Мик.

— Сразу привыкнет.

Мик сел, красный, и налил всем чаю. Арви смотрела, как он наливает, как Нури снова начинает петь, уже про свадьбу, как Ирма отнимает у него кружку, как Гвидо пишет что-то на обороте записки и суёт Бажене в карман, как Ленни через весь стол наклоняется к Йоне и что-то ей говорит, и Йона

смеётся, закрыв рот ладонью. Тула доедала хлеб из хлебницы и спорила с Мару о правой колонке на переборке. Ксан провёл пальцем по столешнице. Пиц, привалившись к Арви, уже засыпал, не переставая бормотать про фильтры.

Она любила их всех сразу, одинаково, каждого целиком, и от этого ей было спокойно. Она не смогла бы выбрать никого одного. Никогда в жизни ей не приходилось выбирать, зачем выбирать кого-то, когда можно любить всех.

Тобиаш посмотрел на часы над дверью и встал. Никто ничего не сказал, но все поднялись следом. Сорок минут кончились.

Йона ушла первой, в рубку. Ленни проводил её глазами до двери и только потом пошёл спать. Бажена поднялась, тяжело опершись на стол, и Гвидо поднялся вместе с ней, и они вышли в разные стороны, она направо, к каютам, он налево, к машинному отделению. Эйсар ушёл, не коснувшись никого, привычно пропустив Мару вперёд. Нури и Ирма ушли спорить в медотсек, Нури напевал.

Арви осталась с Миком. Он составлял кружки в звуковую мойку, и та зудела тонко, почти на пределе слуха. Арви сидела на лавке, поджав ноги и прижавшись к горячей кружке.

«Стриж» гудел ровно, на всех своих частотах, и она по звуку слышала, как Йона берёт управление, как Гвидо включает второй насос, тот, что гудит, как где-то далеко щёлкает дверь каюты Ирмы. До Тессы оставалось меньше суток. Корабль шёл домой.

Глава 5

Тесса встретила «Стриж» так, как встречала всегда: диспетчер дока назвал их яму номером, который они слышали уже раз двадцать («у салазуба в заднице», как говорил Нури), и тем же скучным голосом напомнил про неоплаченную стоянку за прошлый месяц (именно по этой причине их и парковали черти где). Кольцо поворачивалось над ними, медленное и огромное, и из рубки было видно, как по внутреннему ободу ползут огни грузовых тележек, похожие на бусины на нитке. В жилых уровнях кольца обитали два миллиона человек, и Арви знала в лицо, наверное, человек сорок, но почему-то чувствовала себя здесь дома.

Экипаж расползся за полчаса. Мару с Тулой ушли в бар у восьмого шлюза, откуда их, судя по всему, выгонят через несколько часов. Пиц исчез с таким видом, будто у него на Тессе три встречи сразу, и так оно, скорее всего, и было. Бажена и Гвидо остались на борту: второй насос никуда не делся, а на стоянке его наконец можно было разобрать вдвоём. Мик заперся в санитарной нише с синей рубашкой, и оттуда доносилось, как он ругает рукава.

Арви надела единственный приличный китель и поехала на страховую палубу.

Юрист оказался молодым, вежливым и совершенно непробиваемым. Он развернул к ней экран с рапортом по

«Лейнику» и показал пальцем на строчку.

— Время герметизации отсека указано с расхождением в четыре минуты между вашим журналом и журналом борта пострадавшего.

— У пострадавшего борта отказали часы. Вместе со всем остальным. Мы там именно поэтому и оказались.

— Я понимаю, капитан Гота. Но расхождение есть.

— Хорошо, — сказала Арви. — А что мне с ним сделать? Вернуться назад и заново их спасти, с правильными часами?

— Вам нужно предоставить заверенное объяснение расхождения. С подписью старшего офицера и судового врача.

— Вы три недели искали эти четыре минуты?

Юрист улыбнулся так, будто она сделала ему комплимент.

Из конторы она вышла с перечнем документов длиной в ладонь и с твёрдым ощущением, что банк, который её терпит, скоро терпеть перестанет. У лифта Арви сделала то, что делала всегда после страховой: купила в автомате сладкую бурду — аналог кофе и выпила его залпом, обжигаясь.

* * *

Аюда жила на третьем жилом уровне, в двух сдвоенных каютах, которые при известном воображении и шести детях можно было назвать шикарной квартирой. Воображения у Аюды хватало, детей тоже, поэтому гостей она сажала в той каюте, где из стены выдвигался стол, а детей запирала в другой, откуда то и дело что-то падало.

Ива пришла раньше Арви и уже сидела с ногами на откид-

ной лавке, покручивая в руке стакан с чем-то зелёным.

— Это с Сольвейг, — сказала она вместо приветствия. — Мне прислали, пока там узел не лёг. Пей, пока есть.

Арви отпила и закашлялась. Ива осталась довольна.

— Ну, — сказала Аюда, выставив на стол миску с тёплыми лепёшками и сев наконец, что с ней случалось редко. — Рассказывай.

— Страховая потеряла четыре минуты...

— Про страховую потом. Он писал?

— Кто? — Арви притворно округлила глаза.

— Не делай такое лицо, ты сама знаешь, кто.

Аюда была женщина бурная, она умудрялась прожить свою жизнь и жизни всех своих друзей, и еще воспитывала детей и работала на ужасно сложной, но с точки зрения самой Аюды скучной работе — инженером-нейротехником, прямо из дома, поэтому ее очень интересовало все, что происходит у тех, кто дома не бывает.

Арви взяла лепёшку и начала отрывать от неё края, чтобы занять руки.

— Я его удалила из своей жизни.

— Ты его удаляла уже три раза, — сказала Аюда. — Или четыре. Ива, сколько?

— Я сбилась на Феоде, — сказала Ива.

— В этот раз я не открываю новости с Таврики.

— А это ещё зачем? — Аюда подалась вперёд, и глаза у неё заблестели, как у следователя, почуявшего расхождение

в четыре минуты. — Что там такое в новостях?

— Ничего там нет. Просто не открываю, потому что Таврика равно Рилан.

— Не открывает она! Ива, ты слышишь? Значит, что-то там есть.

— Может, у человека просто здоровая гигиена, — сказала Ива без всякой убеждённости.

— У неё? Здоровая гигиена?

За стенкой что-то с грохотом упало, и детский голос сообщил, что это не он. Аюда даже не повернула головы.

— Я тебе в прошлый раз что сказала? — продолжала она.

— Я тебе сказала: вот прилетишь на Тессу, сядешь вот тут, и я всё из тебя вытяну. Сидишь?

— Сiju.

— Ну?

— Мик пошёл на свидание, — сказала Арви.

Это сработало. Аюда откинулась назад, забыв про Рилана, и прижала ладонь к груди.

— Божечки мои, я думала скорее загадку Тихих разгадают, чем он найдет себе женщину. С той? С галереями?

— С той.

— В какой рубашке?

— В синей.

— Я же ему говорила, что синяя тесная в плечах!

— Я ему тоже говорила. Он сказал, что будет сидеть прямо и не двигать руками, мол, эта рубашка придает ему уве-

ренности.

— Весь вечер?

— Весь вечер.

Ива засмеялась первой, за ней Аюда, и Арви тоже расхохоталась, громко и с облегчением, потому что про Мика говорить было легко, а про Рилана она не знала, что сказать даже себе. Аюда утёрла глаза и уже открыла рот, чтобы вернуться к допросу, когда у Арви на запястье завибрировал коммуникатор.

Три коротких, пауза, три коротких. Так Пиц настроил срочные сводки Дальней спасательной службы, и Арви за шесть лет выучила этот ритм всем телом.

— Подожди, — сказала она и развернула экран.

Сводка шла с узла Ольты, с пометкой о задержке. Арви прочла первую строку и перестала слышать, что говорит Аюда.

Станция «Кантип», орбита Таврики. Отказ реактора, разрушение стыка магистралей. Разгерметизирована половина объёма. Девяносто человек в трёх уцелевших карманах, связь с ними прерывистая. Расчётный запас воздуха — около девяти суток от момента аварии. Сигнал шёл до узла несколько часов. Требуется малый корпус для слепого перехода, не менее пяти спасателей в скафандрах для резки, медицинский отсек, размещение на девяносто человек.

Ниже, в графе отклика, было пусто. Никто не взял, даже Венни.

— Что там? — спросила Ива, уже без улыбки.

— «Кантип», — сказала Арви.

Она знала эту станцию: старую, тесную, с кривыми коридорами и одним приличным баром у пассажирского шлюза. Там подавали горький тёмный чай в толстых стаканах, а от двери было видно лифт с планеты, и если долго сидеть лицом к нему, то научишься узнавать по походке человека в длинном плаще ещё до того, как откроются створки. Шесть лет она прилетала туда, садилась лицом к лифту и ждала.

Бар был в той половине, что у пассажирского шлюза. Какая половина уцелела, в сводке не говорилось.

И ещё она знала то, что знал каждый, кто хоть раз бывал на Таврике. Других станций у планеты не было, и пока «Кантип» висит на орбите дырявым, с Таврики не улетит никто, ни один человек на двух континентах.

— Девяносто человек, — сказала она вслух, считая уже совсем другое. — Сто четыре тела на воздух и воду, с нашими. Слепой переход, потом машина остывает. Пять в скафандрах, у меня четверо. Медотсек...

— Арви, — сказала Аюда.

— Это наша работа. Это ровно под «Стриж», никто больше не пролезет.

Она уже стояла, и лепёшка, от которой она отрывала края, лежала на столе растерзанная. Аюда посмотрела на неё и ничего не спросила про Рилана, хотя, судя по лицу, очень хотела.

— Иди, — сказала Ива. — Мы тут сами доедим.

Арви нажала отклик. Графа под сводкой заполнилась: «Стриж», капитан Гота, принято. Потом она поцеловала Аюду в макушку, Иву в щёку и вышла в коридор, на ходу вызывая Тобиаша.

* * *

Дальше время разбилось на крупные фрагменты, большая часть из которых проходила на полном автомате у команды.

Тобиаш ответил на втором сигнале, как будто сидел у коммуникатора и ждал. Выслушал, отрапортовал «принял» и отключился, а через минуту в общем канале экипажа появилось его сообщение, короткое, без единого лишнего слова: сбор на борту, три часа, без исключений.

Бажена сообщила, что насос соберёт за два. Гвидо сообщил, что за полтора, если Бажена не будет мешать. Арви не стала вмешиваться.

Служба на Тессе потребовала подтверждения груза, класса корпуса и списка экипажа. Арви диктовала на бегу, в лифте на докову палубу, и дежурный дважды переспрашивал, потому что лифт гудел. Она переслала ему спецификацию «Стрижа» в спасательной конфигурации и попросила окно на выход раньше очереди. Дежурный задумчиво сообщил, что окно есть через четыре часа. Арви резко ответила, что надо через три, и он, помолчав, нашёл через три.

На складе у дока она сама пересчитала баллоны. Регенерационных картриджей не хватало на сто четырнадцать тел

до конца операции, и она докупила их в кредит, подписав бумагу, на которую старалась не смотреть. Концентрат для Мика, воду, подвесные койки. Пиц, выдернутый из какого-то бара и благоухающий чужими феромоновыми метками, уже сидел в рубке и выторговывал у Ольты расписание связи, таратора сразу в два канала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.